

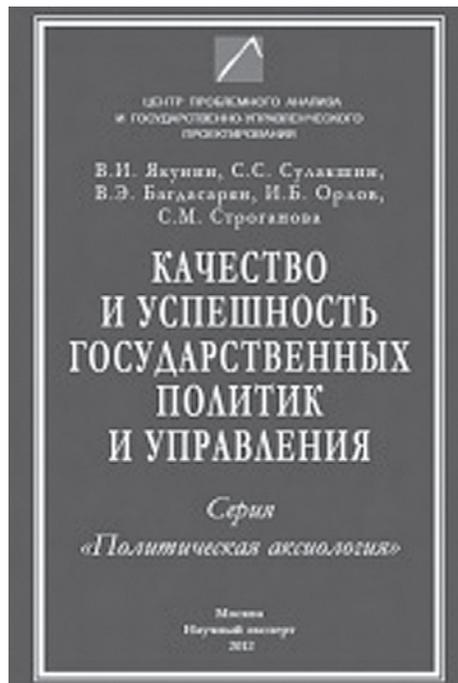
ПЕТР АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО

Особенности национальной идеи в зимний период

Читатели журнала «Свободная Мысль», вероятно, уже имели возможность ознакомиться с моей рецензией «Особенности национальной идеи в шести частях», опубликованной в № 9/10 за 2012 год, в которой содержалась оценка масштабного шеститомника группы авторов во главе с В. И. Якуниным. Признаю, не ожидал проявления такой солидарности читателей, которая, вообще говоря, была саркастической по своей сути (для тех же, кто не читал упомянутого мною материала, вкратце объясню, что я сравнивал сам процесс поиска национальной идеи для России авторами шеститомника с попытками рыбной ловли группой энтузиастов из известного фильма «Особенности национальной рыбалки»).

Особенно трогательной для меня явилась личная реакция замечательного актера Алексея Ивановича Булдакова, исполнителя роли генерала Михалыча, выраженная им в традиционно-духо-

В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, С. М. Строганова. Качество и успешность государственных политик и управления. М., «Научный эксперт», 2012. 488 с. (Серия «Политическая аксиология»)

зимой появился своего рода «сиквел» того самого шеститомника, хотя и меньшего объема — впрочем, как это и положено настоящему сиквелу.

Вышло в свет новое масштабное исследование, подготовленное Центром проблемного анализа и государственно-

подъемной формуле «Ну, Вы, вообще!», а также личная реакция Владимира Ивановича Якунина, который, к его чести, был единственным из всего списка авторов шеститомника, нашедшим возможность обсудить со мной рецензию.

Ну так не зря же читатели в разговоре со мной поневоле сравнивали Владимира Ивановича именно с генералом из фильма по принципу серьезности. Помните, когда горе-рыбаки границу решили ночью нелегально пересечь: «С генералом — не получится. Этот — серьезный, этот на принцип пойдет».

И вот, как это и положено в большом кинематографе, этой

управленческого проектирования (далее — Центр, хотя мне ближе — «охотхозяйство Кузьмича»).

Так вот, на этом самом «охотхозяйстве» наши старые знакомые рыбаки — теперь уже охотники — озадачились оценкой эффективности государственной политики. Важность объекта исследования не вызывает сомнений (у всех еще на слуху скандал, разразившийся в октябре — декабре прошедшего года по поводу оценки эффективности работы государственных вузов, проведенной Минобрнаукой, результаты которой вызвали шок в профессиональном сообществе. Причем речь тогда шла именно о критериях). Настороженность вызывает бурная настойчивость Центра (оно же — «охотхозяйство») одним махом докопаться здесь до истины. Это все же не охота на кабана. Помните: «Завтра на зверя пойдём. А лицензия-то у вас есть? Конечно же... нет». Но наших героев это никогда не смущало.

Однако к делу. Как ловить зверя будем, если столь трудна и болезненна выработка критериев в рамках всего одной отрасли управления — управления высшим образованием, так что ни министерство, ни научно-педагогическая общественность пока еще не способны предложить вариант, который устраивал бы не то что всех — хотя бы большинство. Что же говорить об управлении в масштабах всей страны! Да и аннотация книги начинается многообещающе: «В монографии впервые решена задача единой интегративной количественной оценки качества и успешности государственных политик и управления» (С. 2). Как тут пройти мимо?

Наконец, не вызывает сомнения и обоснованность поставленной авторами промежуточной задачи: обобщить опыт оценки качества управленческой деятельности с помощью всякого рода индексов, выработанных в современном мире (см. С. 35—112). Действительно, в отечественной науке до настоящего времени не осуществлялось попыток экспертизы столь широкого круга международных индексов, как это сделали сотрудники Центра («охотхозяйства»). Но, как говаривал незабвенный Кузьмич: «А ты думал! У меня тут не один Люксембург поместится, да еще и на какой-нибудь Лихтенштейн места хватит!»

С большим интересом читается тот раздел книги, где представлены описания и анализ самых разных международных и национальных индексов оценки эффективности (=успешности) управленческой деятельности. Здесь и Интегральный показатель государственного управления (GRICS — Governance Research Indicator Country Snapshot), выработанный Институтом Всемирного банка; и индекс эффективности выполнения правительственных проектов (GPP — Government Performance Project); и индекс «КАФКИ», применяемый в Бельгии для оценки уровня неэффективности государственной бюрократии; и Индекс восприятия коррупции (ИВК) (см. С. 38—39, 41—43); и многие другие аналогичные показатели, на недостатки каждого из которых авторы непременно указывают. Причем это делается как на качественном (изначальный отбор показателей для индексирования), так и на количественном (используемый математический аппарат) уровнях.

На первый взгляд, на уровне общих подходов, все обстоит как надо. Однако как только начинаешь внимательнее вчитываться в текст, то наряду со здоровыми идеями немедленно наталкиваешься на откровенные и грубые ошибки. И с каждой страницей их становится все больше — что, впрочем, авторов не смущает, как не смущало и одного из персонажей фильма, привязавшего кресло к зондам, дабы свысока охотиться на глухарей — «от Соловейчика еще никто не уходил!!!»

Так, например, говоря о цивилизационной вариативности моделей управления (что само по себе не вызывает сомнений), авторы предлагают семь моделей «страновой вариативности механизмов государственного управления» (формулировка авторская, см. С. 31). Одна из них, возникшая «на основании социокультурной парадигмы православия» (С. 32), рассматривается особенно тщательно. Далее предоставляю слово авторам: «Ее (модели. — П. А.-Д.) отличительная черта заключается в автосубъектности государственной власти. Не социум в ней создает государство, а государство формирует социум. Модель строится не снизу вверх, как на Западе, а сверху вниз» (Там же). И чуть ниже: «...в Европе дело обстояло иным образом: вначале пришли франки, а только

затем было создано франкское королевство» (*Там же*).

Последнее замечание приводит читателя, сколь-нибудь знакомого с историей западного средневековья, в состояние шока, причем по целому ряду причин. Во-первых, франки пришли не на голое пространство, а на территорию вполне себе заселенных и освоенных галльских провинций Западной Римской империи (другое дело — когда появилась возможность, они не преминули воспользоваться крахом последней и присвоить себе ставшие «бесхозными» земли). Во-вторых, франки составили лишь малую часть (в целом — не более 5–10 процентов) местного галло-римского населения, и процесс этногенеза нового народа (предка современных французов) не только протекал синхронно с процессом становления государственности, но и был попросту невозможен вне его рамок. О том, что государство — везде и всегда, а не только в православной парадигме! — является одним из ключевых факторов этногенеза, известно всем сколь-нибудь сведущим в соответствующей проблематике людям.

Кстати, и в «православной парадигме», в нашей любимой русской истории, все происходило примерно так же, как у франков. Ранняя Киевская Русь возникла как государство варягов-*руси* — вне зависимости от того, кого понимать под этим словом — скандинавов-Ruotsi (Ruotsi) или западных славян, как некогда считал С. А. Гидеонов. Причем, судя по археологическим данным — раскопки могильников в Старой Ладоге (Ленинградская область), Гнездово под Смоленском и др., — этих варягов-руси («сице бо звахуть ты варягы русь», как гласит летопись «в лѣто 6370» (862 год от Р. Х.)) на Руси изначальной было не больше, чем франков — в королевстве франков при его основателе Хлодвиге (ок. 482–511). В этом смысле современный русский народ — такой же результат политогенеза, как и народ французский.

Возможно, впрочем, что сотрудники Центра придерживаются другого мнения. Что ж, это их право. *Пока же они сильно напоминают обмороженного Леву Соловейчика, у которого губы настолько обморожены, что он даже не в состоянии крикнуть «SOS», чтобы его опустили на землю.*

Ну что же — летим дальше. Вот приводится ссылка на книгу Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность» (*см. С. 32, сноска 16*). Можно, конечно, по-разному относиться к этому народовольцурасстриге, прошедшему почти невероятный путь от революционного террориста до фанатичного монархиста и в 1905 году одарившему соотечественников своим проектом консервативной утопии под приведенным выше названием. Но нельзя не признать того, что книга Л. А. Тихомирова по жанру является публицистической, а не научной, и потому ссылаться на нее по вопросу о происхождении русской государственности — то же, что, к примеру, приводить по тому же поводу места из «Русской истории от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстого: «Послушайте, ребята, / что вам расскажет дед, / Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет» (и т. д.).

Даже тогда, когда авторы рецензируемой книги пытаются опереться на серьезную научную (а не публицистическую) литературу, получается как-то странно. Вот, например, сноска 17 на странице 33. Она подтверждает тезис авторов о том, что распространенный ныне в арабском мире вариант «множество государств — один социум» напоминает модель государственности периода княжеской раздробленности. При этом дается ссылка на две книги: Б. А. Рыбаков. «Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв.» (М., 1982); А. Е. Пресняков. «Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь» (М., 1993).

Начнем с книги покойного академика Б. А. Рыбакова, значимость работ которого для отечественной медиевистики в целом не вызывает сомнений. Так вот, в означенной монографии — сотни страниц (например, в упомянутом издании 1982 года — 589, некрупным шрифтом и большого формата). И говорится на них о многом. Так, например, первая из двух частей полностью посвящена периоду до княжеской раздробленности, третья — культуре домонгольской Руси, и лишь вторая — удельному периоду. Но и в ней говорится не столько о политической системе Руси в целом, сколько об истории отдельных княжеств — Киевского, Чернигово-Северского, Галицко-Волынского, Полоцкого, Смоленского, Владимиро-Суздальского

и Великого Новгорода. Так какую же конкретно часть этого толстого «кирпича» авторы имеют в виду? Допустим, однако, что они воспользовались Интернет-версией текста, не всегда имеющей разбивки на страницы (см., например: Б. А. Рыбаков. «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» (М., 2003). — http://lib.ru/HISTORY/RUBAKOW_B_A/russ.txt). Но в таком случае этот факт следует оговорить специально.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Трави потише, э!

Ты травы по-маленьку, слышь, травы ти-и-ше!» — чувствует неладное Лева Соловейчик. И правильно чувствует.

Ведь выясняется, книги Б. А. Рыбакова авторы и в глаза не видели, а если и видели — то в далекие студенческие годы. На эту мысль наводит пример с другой названной книгой — действительно выдающимся научным памятником историографии, принадлежащим перу академика А. Е. Преснякова. Ибо фигурирующая в сноске как отдельная работа его книга «Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь» на самом деле представляет собой... сборник, включающий два разных труда — «Княжое право в Древней Руси» (см. С. 7—254) и «Лекции по русской истории. Киевская Русь» (см. С. 257—505, с примечаниями автора на С. 500—505). Кроме того, в книге также присутствуют «Приложения» (С. 506—586), содержащие очерки жизни и творчества А. Е. Преснякова, а также статью «Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А. Е. Преснякова». Интересно, на эту часть книги сотрудники Центра тоже ссылаются в подтверждение своего тезиса?

При этом, как явствует уже из ее названия, работа «Лекции по русской истории. Киевская Русь» посвящена исключительно периоду единого киевского государства и касается более позднего периода (то есть времени княжеской раздробленности) лишь в сугубо ретроспективной по содержанию «Лекции XV» («Княжое владение во второй половине XII и в начале XIII в. (1132—1169—1240)). На отсутствие у этой части работы самостоятельного значения указывают как ее скромный объем (см. С. 458—471), так и собственно содержание, посвященное скорее политическим аспектам совершающегося раскола,

чем анализу политической системы Руси второй трети XII—XIII веков.

Что же касается «Княжого права в Древней Руси», то и в этой работе интересующий нас (и что важнее — авторов рецензируемой книги) период затрагивается лишь по касательной. Из двух составляющих ее очерков, только малая часть первого (см. С. 82—102) действительно хоть как-то соотносится с интересующим их вопросом. Но и эта часть, озаглавленная «Падение киевского старейшинства», опять же посвящена главным образом политическим аспектам распада единого государства. Ссылаться на это место в разговоре о «удельной княжой раздробленности русского протогосударства» (С. 33) не то чтобы нельзя — но как-то не совсем удобно. В общем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что ссылка на научную литературу (пусть даже не самую новую), мягко говоря, не совсем корректна. Смее утверждать, что содержание сноски 17 на странице 33 возникло наобум.

«Льва Соловейчика я хорошо знаю, да. Он улетел сегодня на кресле», — резюмирует генерал Михалыч, подтверждая при этом отсутствие желания у Льва Соловейчика улететь в тридцатые страны!

Я пытаюсь говорить именно о сути. Потому что авторы не только заполняют свои сноски наобум: они реально не знают вещей, о которых говорят (см., например, их суждения о соотношении этно- и политогенеза; уверен, что подобных примеров можно привести десятки). И от этого их конструкция, где одна грубая ошибка сплошь и рядом покоится на другой, в конечном итоге, несмотря на отдельные небезынтересные наблюдения, в целом оказывается несостоятельной.

Как несостоятельна ключевая идея, из которой исходит все рассуждение и которая именуется «коэффициент жизнеспособности страны» (авторы активно используют для его обозначения аббревиатуру КЖС). Ранее я уже писал об этом показателе — который, между прочим, выдвигается авторами как «высший критерий качества государственного управления» (см. С. 12), — но теперь, видимо, придется повторяться. Кстати, авторы рецензируемой книги заверяют читателя, что «понятие коэффициента жизнеспособности страны... впервые введено в работе» (С. 13). Но как же тогда

масштабный опус той же команды, вышедший в свет в том же 2012 году¹? Однако дело даже не в этом. В конце концов, выпуская две книги в один и тот же год, авторский коллектив мог не знать, какая из них выйдет первой. Предположим, что так (хотя даты подписания книг в печать, кажется, говорят об обратном). Важнее — суть. А она... весьма нетривиальна.

Напомню, что КЖС вычисляется сложным путем, описанным на страницах 13—22, причем это описание буквально переполнено математическим аппаратом и диаграммами. Итоговые показатели складываются прежде всего из оценки «группы экспертов» (15 человек), которая дает «качественное определение» КЖС (С. 13). Параллельно тот же показатель вычислялся по сложной формуле: в основу брались такие показатели, как коэффициент территории страны (вычисленный с учетом ее изменения), коэффициент изменения численности населения, а также коэффициент, отражающий «качество государственного управления» (вычисляемый методом экспертной оценки), которые для определения итогового результата предлагается перемножить.

Не будем разбираться в математической составляющей процесса вычисления (желающие см.: С. 14—22 или Т. 1, С. 102—105 шеститомного издания того же коллектива, упомянутого выше), ибо дело здесь не в математике. Повторяю вновь истину, представляющуюся абсолютно банальной: сам по себе математический аппарат ничего не определяет; он — не более чем средство для исследователя. Содержательный же смысл имеют те качественные параметры, которые, собственно, и являются объектом исследования — не важно, проводится ли оно с применением математики или нет.

Оставим за кадром и проблему объективности экспертных оценок: она вообще требует отдельного разговора. Во всяком случае, данные о процедуре осуществления такой оценки являются явно недостаточными. Авторы ограничиваются лишь указаниями на общую специализацию экспертов

(«История России»), их научные степени и звания («10 докторов наук, профессоров и 5 кандидатов наук, доцентов»), несовпадения их места работы, а также на использование формы «заочной сессии», то есть анонимный характер работы (см. С. 115). Отдельно выделяется аргумент, который, по мысли автора, должен окончательно убедить читателя в объективности экспертов: «эксперты... не отбирались по каким-либо признакам политических предпочтений или иным признакам» (Там же).

Непрофессионал, вероятно, вполне удовлетворится этими замечаниями, но для специалиста их вовсе недостаточно. И прежде всего потому, что понятие «специалист по истории России» само по себе не говорит ни о чем. В современной науке, оперирующей колоссальным объемом фактов, специализация является довольно узкой. Нравится это кому-либо или нет, но время Ломоносовых прошло. Досконально — с опорой на данные оригинальных (в том числе неопубликованных архивных) источников — знать всю отечественную историю невозможно; такое знание реально обеспечить лишь в пределах относительно узкой (в хронологическом или содержательном плане) проблематики. А потому бессмысленно опрашивать о XVIII веке, скажем, специалиста по истории советско-американских отношений эпохи «холодной войны» или историка Церкви Древней Руси. Так вот, остается неясным, каковы узкие специализации всех этих 15 экспертов.

Добавлю также, что цифра «15» сама по себе не определяет репрезентативности выборки. Она не кажется столь значительной, чтобы свести к статистически приемлемому минимуму расхождения в позициях опрашиваемых, обусловленные сугубо индивидуальными причинами (пол, возраст — то есть принадлежность к определенному поколению, политические пристрастия и т. п.). Так и остается неясным, как авторы рецензируемой книги решили эту, прямо скажем, непростую задачу. В общем, объективность предлагаемой экспертной оценки представляется сомнительной.

Но главное даже не это. Сомнения вызывает сама методологическая основа вычисления КЖС. Ибо так и остается недоказанным факт существования прямой

¹ См. «Национальная идея России: “Моя страна должна быть, и должна быть всегда!”», или О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так». В 6 т. М., «Научный эксперт», 2012. Т. 1. С. 18 и далее.

связи между территориальным ростом и ростом численности населения страны, с одной стороны, и эффективностью государственного управления, с другой. Уже потому, что территориальный рост страны в разные периоды ее истории происходил в разных условиях и объяснялся разными причинами. А потому трудно, например, признать эффективным правителем лживого и вероломного Ивана Калиту (1325—1340), хотя именно он — палач тверского восстания 1327 года, пресмыкавшийся перед ханом Узбеком и резавший своих соплеменников, — положил начало «собираанию» русских земель вокруг Москвы; потомки, конечно, оценили этот шаг, но современники имели все основания его ненавидеть.

Возьмем другой период — и столкнемся с такой же неоднозначностью. Цену, заплаченную Россией за сокрушение Речи Посполитой и воссоединение с Украиной в XVII веке, В. О. Ключевский в свое время определил предельно четко: «государство пухло — народ хирел». Правда, и тут благодарные потомки оценили сделанные приращения (как по территории, так и по населению); но увы — и для них «бонусами» дело не ограничилось. За военные победы XVII века страна заплатила страшную цену, прежде всего — введением крепостного права и сломанной через колено системой земского самоуправления, на смену которой пришла бездушная бюрократическая вертикаль, доведенная до совершенства уже в XVIII—XIX столетиях. Совсем неоднозначны и приращения территории и населения, сделанные при Александре I (1801—1825): достаточно вспомнить одно только присоединение Польши, которая быстро превратилась в кость в горле Российской империи. И наоборот, трудно обвинять Л. И. Брежнева в неэффективном управлении страной только на том основании, что при нем территория страны не увеличилась, а темпы роста ее населения ощутимо замедлились.

И это — лишь малая толика подобных примеров, наглядно свидетельствующих о том, что применительно к каждому конкретному историческому периоду оценка состояния страны предполагает учет десятков (а то и сотен) параметров. А потому позволю себе повториться: КЖС — «высший критерий качества жизнеспособно-

сти страны» — не дает никакого представления о реальном положении общества и государства, ни в прошлом, ни в настоящем, ни тем более в будущем. А если таков «высший» (*вар.*: «предельный») критерий, то что говорить о критериях остальных? Как и обо всей работе в целом?

В итоге приходится признать, что перед нами — исследование, основанное на ущербной методологии и произвольном жонглировании фактами, ни один из которых априори невозможно принять на веру. С учетом сказанного не кажутся сюрпризом и выводы, изложенные в заключительной части книги (*см.* С. 477—479). Они поражают степенью банальности. Так и остается неясным: что такого нового содержится в этих выводах, что не было бы известно до знакомства с рецензируемым текстом?

Тайной ли был «проблемный уровень качества государственного управления в современной России»? Не знал ли читатель, что «пришедшийся на 1990-е годы абсолютный минимум управленческой эффективности... преодолен», но осталось еще немало проблем? Оригинальна ли мысль, согласно которой «государственное управление функционально декомпозируется на ряд политик», каждая из которых соответствует какой-либо значимой функции государства? Удивляет ли «факторная зависимость жизнеспособности страны от реализуемых государством политик»? Нов ли «вывод о необходимости реструктурирования бюджета»? Наконец, впервые ли мы слышим утверждение о том, что «Россия находится сегодня в одном из непростых периодов своего исторического существования» и что «другого пути, кроме повышения качества управления... нет»?

Вот и я тоже все это где-то слышал...

Как же — вспомнил. В упомянутом фильме Лев Соловейчик хвастается подаренным ему рогом, который, если в него подуть, издает призывный зов крупной самки. Руководствуясь этим способом привлечения, вся команда направляется на охоту и вскоре действительно начинает слышать утробный крик крупного самца, которым оказывается... электровоз.

Что можно сказать авторам книги? Прежде чем охотиться, получите лицензию. Желательно — настоящую... ◆